

А. И. Королёнок

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ В. БЕЛОВА «ЛАД»

Книга В. И. Белова «Лад» с момента опубликования в 1979 году в журнале «Наш современник» первой части и особенно после выхода ее отдельным изданием вызывает в нашей критике разноречивые мнения. Ряд критиков и читателей, рассматривая «Лад» с краеведческо-этнографической точки зрения, обсуждают вопрос о том, так ли было в жизни северной деревни на самом деле или было по-другому, а если было так, то хорошо это или плохо. В зависимости от ответов на эти вопросы В. И. Белов квалифицируется как знаток народного быта или упрекается в идеализации жизни северной деревни. Другие критики пытаются извлечь идейно-художественный смысл из книги «Лад» как таковой, учитывая, что перед ними художественная проза¹.

Относительно жанровой природы «Лада» критики не приходят к единому мнению. А. Бочаров не признает за «Ладом» художественности и относит его к жанру очерка-исследования. «Вознамерившись запечатлеть уходящую жизнь, ухо-

дящий уклад, он (Белов — А. К.) пытался сделать это не в художественной, а в прямой очерковой форме². На исследовательский характер «Лада» указывает А. Петрик, ставя его как исследование в ряд с книгой А. Гуревича «Категории средневековой культуры». А. Петрик подчеркивает важный, с нашей точки зрения, момент: в той и другой книге «свя-зующим звеном между художественной прозой и культурологическим исследованием является человек»³. «Энциклопедией крестьянской жизни» называет книгу В. Белова Ю. Дюжев, отмечая в ней богатство информации, имеющей этнографический, краеведческий характер⁴. Однако критик справедливо считает, что информативность — только одна, внешняя сторона очерков Белова «Лад». Другая — философская концепция народной жизни⁵.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о жанре «Лада», критики единодушно отмечают зыбкость его жанровых границ. «Лад» — «и свободное рассуждение, и этнографический труд, и очерки, и воспоминания о северной русской деревне», — пишет В. Турбин⁶. Отмечая сложность жанровой природы книги В. Белова, критики затрудняются отнести «Лад» к какому-либо определенному жанру. «Очерки да не очерки. Ибо Василий Белов создал нечто более глубокое и серьезное, чем очерк, даже вполне добротный»⁷. Склонный считать «Лад» романом-исследованием⁸, Ю. Селезнев вместе с тем относит его к очеркам⁹, а затем называет книгу В. Белова «рассказами-очерками»¹⁰.

Важно заметить, что вопрос о жанровой природе «Лада» и в названных, и в других работах решается отнюдь не в сугубо теоретическом аспекте. Рассмотрение жанровой специфики книги В. Белова помогает понять мысли автора, постичь авторскую концепцию народной жизни, как она выражена в «Ладе». Творческая индивидуальность В. Белова проявляется в специфике идейно-художественного содержания не менее ощутимо, чем в особенностях жанровой формы произведения. И то и другое оказываются тесно взаимосвязаны.

Предлагаемые здесь наблюдения над особенностями жанровой структуры книги В. Белова «Лад» сделаны не с целью продолжения полемики, было ли так, как написано у Белова, в жизни северной деревни или не было, а для того, чтобы извлечь идейно-художественный смысл из самого текста, который при научном рассмотрении был и остается главным ориентиром для литературоведа.

Жанр своей книги «Лад» автор определил как «очерки о народной эстетике» — на титуле, а в предисловии «сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике».

Очерк как жанр художественной прозы (по определению Горького, «весьма широкая, емкая и неопределенная форма») очень подвижен, обладает способностью вбирать в себя признаки родственных повествовательных жанров и представляет большие возможности для формирования внутрижанровых разновидностей. Взаимодействие творческой индивидуальности писателя и нормативности жанра в очерке проявляется особенно наглядно.

«Лад» вполне отвечает одному из доминантных признаков жанра очерка: опоре на достоверное. Автор ориентирует сознание читателя сразу и определенно на восприятие показанного в книге как достоверного, реально существовавшего и объективно данного. «Я старался рассказывать о том, что знаю, пережил или видел сам, либо знали и пережили близкие мне люди. Хорошая половина материалов записана со слов моей матери Анфисы Ивановны Беловой», — пишет он в предисловии¹¹.

По ходу зарисовок автор постоянно обращается к этому главному информатору не только как к источнику информации, но и как к носителю объективной точки зрения для подтверждения истинности показываемого. Вводит Белов и других рассказчиков о жизни северной деревни, с их особенностями северного говора, колоритным и образным языком, да и не просто представляет их читателю, а дает подробный адрес, указывает родственные и другие связи: Варфоломей Самсонов из деревни Пичихи Кадниковского уезда рассказывает о себе, о кузнечном деле; из той же Пичихи сосед Вахруши — Андрей Вячеславович, по прозвищу Славенок, пастух колхозного стада, Иван Афанасьевич, родной брат Зосимы Неуступова из деревни Дружинино и т. п. Такая точность мотивирована. Автор постоянно заботится о том, чтобы все, что читатель узнает о народном быте и эстетике, было воспринято им как реальное.

Этому стремлению автора содействуют и герои, которые появляются во множестве, и не только в качестве информаторов, но всегда с перечнем родни, названием села, уезда, колхоза и т. д. Это как бы очевидцы, само присутствие которых сообщает тому, о чем рассказывается, достоверность.

Нередко и информаторы, и очевидцы отступают в сторону, автор дает материал как бы существующий сам по себе, без посредства видимого носителя сознания, безлично, или апеллируя к устоявшемуся мнению: «так было», «рассказывают», «говорят». Это придает «Ладу» оттенок мемуарности, воспоминаний. Слов «было» вообще очень много в тексте «Лада». Но «было» говорит не только о прошлом в противоположность настоящему, но и утверждает в прошлом наличие того, о чем идет речь. То есть не «было» — «есть», не прошедшее и настоящее, а «было» — «не было», «да» — «нет». Это слово подчеркивает в «Ладе» всякий раз достоверность бывшего.

Многое из того, что есть в «Ладе», автор дает как увиденное им самим, нередко демонстрируя собственное знание дел, мастерство, дает свои впечатления от увиденного, воспроизводит разговоры с людьми, знакомыми, близкими!

Таким образом, опора на достоверность в показе материала становится одним из существенных признаков «Лада» как сборника очерков.

В приведенном выше высказывании автора вызывает интерес другой, не менее важный для создания впечатления достоверности момент. Наряду с «видел», «знал», «видели», «знали», он говорит «пережил», «пережили» автор и герои. Этот момент также усиливает впечатление реальности перечисленных лиц, они предстают не только информаторами, но высказывают свои симпатии и антипатии, вступают в отношения с тем миром, который создается ими и с их помощью в очерках.

Вместе с тем, воспроизведение жизни через переживание сообщает очеркам лирический потенциал, вносит в зарисовки субъективно-оценочную точку зрения. Такая субъективная точка зрения присутствует, разумеется, и в установке «знал» и «видел». В тексте «Лада» обращает на себя внимание своеобразное многоголосие: часто многие вещи видятся героями далеко не одинаково. Однако то обстоятельство, что предмет, явление в «Ладе» не только видится, но и «переживается», вносит оценку, эмоционально выраженное отношение к явлению, предмету. Эта оценка видна повсюду, нет нужды приводить примеры. (Оценка видна даже в названии книги — «Лад»).

Таким образом все, что поначалу представлялось достоверным, оказывается оцененным, субъективным, а потому отно-

сительно достоверным. Это другая жанровая особенность «Лада». Она связана с образом автора и ведет нас к необходимости выявления авторской концепции и в конечном счете к рассмотрению очерков Белова как художественной целостности, объединенных этой концепцией.

В предисловии автора есть еще один акцент, который затем в тексте окажется весьма ощутимым. Цель автора — рассказать о ладе, а не о разладе крестьянской жизни, выявить гармонию, а не дисгармонию, ритм, а не аритмию. Установка на «ладное» — сознательная установка писателя, подчеркнутая и в названии, и в предисловии. Она и реализуется в тексте. Эту установку автора и, следовательно, его проявление мы видим в отборе материала, который определяется этой установкой. Поэтому при анализе текста целесообразно искать в нем не то, что соответствует или не соответствует реальности, а своеобразие авторской концепции, его взгляда на мир, и рассматривать «Лад» не с точки зрения «бывает» — «не бывает», а с точки зрения художественной идеи, которая в «Ладе» заключена.

В связи со сказанным выше важно обратить внимание на композиционную структуру книги «Лад». Это не собрание отдельных очерков, а цикл, имеющий четкую композицию, закономерную последовательность в построении частей, глав книги в целом. Смысл, заключенный в каждом компоненте, разделах, частях, рождается во взаимодействии всех структурных элементов и сконцентрирован в одной точке, которую автор назвал «лад». То, что автор обозначил как «приведение в «относительный порядок» (с. 7) собранного материала, есть четко продуманная композиция его большого рассказа о народной эстетике, рассказа цельного, идущего от автора и с автором во главе, который выстраивает все компоненты художественного целого, вплоть до деталей, в соответствии с задуманным. Так времена года и связанное с их чередованием описание крестьянских сезонных работ в первых четырех очерках дают зачин и общий настрой книги; затем идут две большие главы о труде мужском и женском, также связанным с природными процессами. Так «круглый год» сменяется «жизненным кругом», идеей дома и семьи, которая объединяет главы второй части; «Начало всех начал» несет мысль о красоте народного искусства, его непреходящей ценности — это главы третьей части. Все эти части в совокупности несут идею «лада» народной жизни.

Таким образом не только в отборе материала, выборе героев, но и в композиции книги отчетливо виден автор, его позиция и концепция того явления, которое стало предметом разговора автора с читателем — народного быта и народной эстетики, — и это сообщает «Ладу» именно художественный смысл. Но такое присутствие автора, еще и подкрепленное в тексте прямыми оценками, обращениями к читателю сообщает жанру очерков Белова публицистичность, пропагандистскую направленность. Это еще одна характеристика «Лада» как очерков.

Важно, следовательно, понять, что же автор здесь пропагандирует. Надо рассмотреть специфику идейно-художественного содержания как жанрообразующий фактор.

Народный быт представлен у В. Белова многогранно. В этом смысле «Лад» — своеобразный справочник, по которому мы можем воспроизвести народную, крестьянскую жизнь. Но все, о чем бы ни говорилось в «Ладе», дано прежде всего со стороны нравственного содержания, будь то труд, связанный с природными процессами, отношения родных, односельчан, других человеческих общностей, народное искусство, мастерство. Очерки, воскрешая «лад» народной жизни, обращены к настоящему, именно к молодежи «...нельзя воспитать в себе эти высокие нравственные начала, не зная того, что было до нас. Ведь даже современные технические достижения не появились из ничего, а многие трудовые процессы ничуть не изменились по своей сути», — пишет автор (с. 7). Нравственностью и объединяется прошедшее и сегодняшнее.

Во всех трех частях книги доминирующей является мысль о том, что все повторяется, возвращается на круги своя. Эта мысль заключена во всем, о чем бы ни писал автор. Говорит ли он о «круглом годе» или «жизненном круге», о мастерах и подмастерьях, застольщине, В. Белов настойчиво проводит идею устойчивости коренных форм народной жизни и тем самым возвращает красоту прошлого, как он ее видит и «переживает», в сегодняшнее. Чтобы оставался «лад», должна оставаться красота, она связующая нить — вот пафос книги.

Таким образом, если понимать нравы, как поведение, содержащее нравственное, то «Лад» — не только очерки нравописательные, но и нравоучительные. За нравоучительность упрекали В. Белова не однажды. Справедливы ли эти упреки? Ведь во все времена настоящий художник шел к людям со своим словом, учил, а не только показывал, вот, мол, как

было и бывает. Однако всегда важно, чему учил, с каким словом шел и чье это слово.

Упреки в адрес «Лада» касались не только нравоучительности, но и идеализации народного быта. Оправданием автору могла бы служить сознательная установка на «лад», а не на «разлад», однако этого оправдания недостаточно.

При чтении книги В. Белова обращает внимание один момент. В «Ладе» зачастую трудно определить, о быте какого времени идет речь. Указание на конкретное время встретишь редко. Автор, говоря о времени, предпочитает уклончивые выражения, употребляя такие: «тогда», «в те времена», то вдруг «в древности люди», то «до революции». Создается впечатление, что все, о чем говорится, — это «когда-то». И хотя автор порой противопоставляет прежнее и настоящее, не это противопоставление для него главное. Автору важен нравственный смысл, заключенный в тех или иных формах быта или искусства, который со временем не стареет. Вот почему время «лада» человеческой жизни более универсально, чем конкретно и исторично. И то обстоятельство, что автор воскрешает прежнее для настоящего, не только показывая, но и наставляя, позволяет говорить о том, что время устойчивых форм народного бытия, показанных автором, несущественно. Их бытование возможно во все времена, если в них осуществлено нравственное содержание, если в них живет красота. Поэтому автор оперирует веками: от древности (а Белов говорит, что быт этот сложился еще в пору язычества, а столетиями лишь шлифовался) до наших дней*.

Наблюдение над особенностями художественного времени в «Ладе» подводит нас к пониманию особенностей авторского видения. В. Белов ориентируется на народное сознание, именно древние формы человеческого мышления, когда мир еще был для человека как единое целое. Но он уточняет, что такое сознание вообще присуще народной жизни «в ее идеальном, всеобъемлющем смысле» (с. 7).

Таким образом, ориентируясь на народное сознание, писатель как бы извлекает из исторического развития сознания народа некую, присущую ему во все времена идею. Носи-

* Таково отношение ко времени и в устном эпосе, который не учитывает отдельных отличий между историческими явлениями; для него более важны общие черты, а не их изменчивая форма, вот почему временем его становятся века, а героем — народ.

телем этого сознания в «Ладе» выступает не только народ, но и сам автор. Особенности художественного времени в «Ладе» тому свидетельство. Как и в древних формах человеческого мышления, оно универсально и циклично, интерпретирует явление как во вневременной, непреходящей, так и в исторической его значимости, проецирует заключенное в явлении содержание во все времена*. Такая универсальность как черта художественного времени в «Ладе» обусловлена заключенным в показываемых картинах их нравственным содержанием.

Опора на приметы нравственной психологии (если речь идет о героях) или нравственного смысла (когда автор говорит о формах быта, об искусстве народа), также соответствует основным принципам народного мышления**.

Сосредоточение внимания более на нравственном, чем на конкретно-историческом, социальном, отчетливо видно в героях, и в тех, которых автор представляет как реально существующих, и в других, обобщенных типах мастеровых, пахарей, умельцев и т. п. Приметы исторические автор порой дает: то говорит о дореволюционном, то прямо апеллирует к современности; более же примет не исторических, а национальных и этнографических; И тем не менее, на первый план выступает общечеловеческое: один мастеровой — другой неумеха, один хозяйственный — другой нет и т. п.

Другая особенность авторского сознания, восходящая к первичным формам человеческого мышления, — стремление показать мир единым и цельным, гармонизировать социум, человека и природное окружение***. Из главы в главу, от части

* Для времени в мифе и фольклоре характерна повторяемость, цикличность. Смысл этой повторяемости в том, что время не имеет начала и конца, т. к. в явлении, если его рассматривать по отношению к целому, начало и конец относительны. (См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М.: Наука, 1976).

** На древность возникновения нравственных представлений как составной части целостного воззрения на мир указывали многие исследователи. «Стихийные черты уже в глубокой древности были затемнены чертами нравственными», — писал А. А. Потебня. (О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. — М., 1865. — С. 153). О том же говорит А. Н. Веселовский (Историческая поэтика. — Л.: ГИХЛ, 1940). Исследователи связывают возникновение нравственных представлений с функциональной направленностью мифа, приспосабливающего индивидуума к его окружению. — См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — С. 168).

*** Стремление воспринимающего сознания к гармонизации личности, социума и природного окружения, к синкретизму является одним из основополагающих принципов фольклорного мышления. — Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — С. 169—171.

к части В. Белов показывает упорядоченность, отшлифованность, устойчивость народного быта, разумную целесообразность всей жизни человека, строящего ее в сотворчестве с природой. Моментов, вносящих в эту жизнь перебои, автор предпочитает не касаться (мор, война, неурожай, смерть молодого и т. п.), он выводит всякого рода дисгармонические моменты за рамки устойчивого целого. Но этого мало. В. Белов сознательно обходит тeneвые, «низкие» стороны народного быта.

На первый взгляд, может показаться, что, отвлекаясь от «прозы» и сосредоточивая внимание на «поэзии», В. Белов разрушает и принцип целостности. Отвлечение от дисгармонических моментов как будто бы лишает очерки идеи саморазвития жизни, так как она, эта идея, может реализоваться главным образом будучи заложенной в конфликтах «поэзии» и «прозы». Может в связи с этим показаться, что структура мысль о круге, замкнутости процессов. Очевидно, неслучаен обычный в «Ладе» авторский прием: всесторонняя, детальная очерков, лишенных идеи саморазвития, замкнута, и в ней, следовательно, нет открытого выхода к нарождающемуся, к текущей современности. Это впечатление подкрепляется и другим обстоятельством: у Белова в «Ладе» весьма ощутима обрисовка вещи как экспоната. Он набирает целую выставку, галерею таких экспонатов. Многое дается и как процесс или изготовление вещи (ткачество, постройка, пахота и т. п.). Но процесс этот тоже кажется замкнутым в пределах делания вещи, рождения ее. И хотя Белов говорит и часто, что с новым циклом все обновляется, это при желании можно воспринять как декларацию.

Складывается впечатление, таким образом, что круговое, замкнутое остается в «Ладе» преобладающим. Однако это не так. Здесь чрезвычайно важную роль играет та точка зрения, с которой автор видит явление и его оценивает. Ему важно увидеть в этих вещах и процессах ценностное содержание, творчество человека и народа, сообщающее всему, что ими рождается, непреходящий нравственный смысл. И когда Белов рассматривает вещь как экспонат, и когда наблюдает ее рождение — он видит прежде всего бытование и рождение красоты.

Таким образом, извлекая момент непреходящности в творческих актах и продуктах человеческого труда, Белов тем самым включает явление в долгую жизнь народа, в его исто-

рию. Так жизненный круг человека размыкается в будущее и тем самым восстанавливается связь времен, объединяя далекую древность и сегодняшнюю историю. Так народный писатель возвращает народу почерпнутые у народа же представления о мире как целостности, основанной на началах нравственности и красоты. Так очерки обретают подлинно эпический масштаб.

Известно, что жанры управляют и управляются писателем. Если верно понятие о жанре как «опредметившемся содержании»¹², то неизбежно размывание краев жанра неограниченностью жизни, вливающейся на страницы произведений¹³. Но в этом случае тем более ощутимо влияние творческой индивидуальности писателя.

Избрав предметом разговора с читателем народный быт в многообразных его проявлениях, народную эстетику, В. Белов, опираясь на основные принципы народного мышления, сумел создать своеобразную модификацию очеркового жанра, обладающего всеми доминантными его признаками и в то же время эпической глубиной, емкостью и масштабностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Осетров Е. Родное, заветное, выношенное // Литературная газета.—1980.—19 марта.—С. 4; Бочаров А. Рождено современностью // Новый мир.—1981.—№ 8.—С. 237; Кашук Ю. Первооснова культуры // Наш современник.—1981.—№ 9.—С. 182—185; Выходцев П. Труд — нравственность — искусство // Русская литература.—1982.—№ 1.—С. 32—46.

² Бочаров А. Рождено современностью // Новый мир.—1981.—№ 8.—С. 237.

³ Петрик А. Века и дни: Размышления о книге Василия Белова «Лад» // Литературная газета.—1981.—22 июля.—С. 6.

⁴ Дюжев Ю. Деревенский очерк // Север.—1981.—№ 11.—С. 121.

⁵ Там же.—С. 122.

⁶ Турбин В. «Русский лад»: Размышления об очерках Василия Белова // Советская Россия.—1981.—14 июня.—С. 6.

⁷ Семанов С. Созидатели // Собеседник.— Вып. 1.— М., 1981.—С. 157.

⁸ Селезнев Ю. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя.— М.: Советская Россия, 1983.—С. 58.

⁹ Там же.—С. 72.

¹⁰ Там же.—С. 112.

¹¹ Белов В. Лад.— М.: Молодая гвардия, 1982.—С. 7. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте статьи.

¹² Теория литературы. Основные проблемы в теоретическом освещении. Роды и жанры литературы.— М., 1964.—С. 9—10.

¹³ Битов А. Границы жанра // Вопросы литературы.—1969.—№ 7.—С. 74.